

Хантер С.ТОМПСОН

ЦЕНА РОМА

* * *

В самом начале пятидесятих годов, когда Сан-Хуан только стал туристическим городом, на задней веранде своего дома на Калле О'Лири бывший жокей по имени Эл Арбонито выстроил бар. Назвал его «Задним Двором Эла» и повесил над входом с улицы вывеску со стрелочкой, указывавшей между двух развалюх в сторону веранды.

Сначала он не подавал ничего, кроме пива по двадцать центов за бутылку и рома по дайму за рюмашку и по пятнадцать центов, если со льдом. Через несколько месяцев он начал подавать и гамбургеры, которые жарил сам.

Выпивать там было приятно, особенно по утрам, когда солнце еще не нагрелось, а солоноватый туман поднимался с океана, делая воздух хрустким и целебным на вкус.

Несколько ранних часов этот воздух стоял на своем, сопротивляясь потной парилке жары, стискивавшей Сан-Хуан к полудню и липшей к нему еще очень долго после заката.

Со временем Эл купил себе кассовый аппарат и деревянные столики под зонтиками, расставил их на веранде и, в конце концов, перевез свое семейство в новый urbanización возле аэропорта. Нанял здорового негритоса по кличке Швабра: тот мыл посуду и разносил гамбургеры, а со временем и готовить научился.

Свою бывшую гостиную он превратил в маленький бар с роялем и выписал из Майами пианиста — худого грустного мужичка, которого звали Нельсон Отто. Рояль был старым кабинетным пианино, выкрашенным в светло-серый цвет и покрытым специальным лаком, чтобы соленый воздух не испортил отделку. В туристическом бюро вам вправят, что побережья Пуэрто-Рико день и ночь круглый год ласкают прохладные пассаты, однако до Нельсона Отто пассаты эти, казалось, никогда не долетали. За часом час, в спертом воздухе, под навязший в зубы репертуар блюзов и сентиментальных баллад пот стекал с его подбородка и пропитывал подмышки его цветастых хлопчатобумажных рубашонок. Он материл эту «проклятую сраную жару» с таким неистовством и ненавистью, что иногда разрушал атмосферу этого места, и посетители вставали и уходили в «Салон Фламбойян» чуть дальше по той же самой улице, где бутылка пива стоила шестьдесят центов, а бифштекс из вырезки — три-пятьдесят.

Когда из Флориды в 1955 году приехал бывший коммунист Лоттерман, чтобы основать в городе газету «Сан-Хуан Дейли Ньюс», «Задний Двор Эла» стал англоязычным пресс-клубом, поскольку никто из отребья и романтиков, слетевшихся работать в новой газете Лоттермана, не могли позволить себе дорогущих баров «под Нью-Йорк», понавылазивших по всему городу из-под земли, словно рассадник неоновых поганок.

Дневные репортеры и сотрудники редакции вваливались около семи, а ночные — спортивные обозреватели, корректоры и верстальщики — обычно прибывали толпой около полуночи. Время от времени кто-нибудь назначал здесь свидание, но в любой нормальный вечер девушка на «Заднем дворе Эла» зрелищем была редким и эротичным.

Белых девчонок в Сан-Хуане было раз два и обчелся, да и те, в большинстве своем, — туристки, шлюхи или стюардессы. Неудивительно, что они предпочитали казино или террату бара в «Хилтоне».

В «Ньюс» приходили работать всевозможные люди: от диких младотурков, которым хотелось разодрать весь мир напополам и начать все заново, до старых усталых работяг, желавших только одного — дожить свои дни в мире посреди скопища полоумных. Там были психи, беглецы от правосудия и социально опасные алкаши, один кубинец — магазинный воришка, носивший под мышкой пистолет, полудурочный мексиканец, домогавшийся маленьких детишек, были сутенеры, педерасты и человеческие шанкры всех разновидностей; большинство удерживалось в газете ровно настолько, чтобы накопить на несколько стаканчиков пошла и авиабилет.

С другой стороны, были и другие, вроде Тома Вандервица, позднее работавшего в «Вашингтон Пост» и получившего Пулитцеровскую премию. Или человека по фамилии Тайррелл — ныне редактора лондонской «Таймс», который впахивал по пятнадцать часов в неделю, лишь бы газета удержалась

на плаву.

Когда приехал я, «Ньюс» уже исполнилось три года, и Лоттерман балансировал на грани нервного срыва. Послушать его, так можно было подумать, что он сидит прямо на пяти углах земного шара, не человек прямо, а гибрид Господа Бога, Пулитцера и Армии Спасения. Он часто божился, что если бы все, кто эти годы работал у него в газете, вдруг в один момент предстали перед тронем Вседержителя — встали бы там все сразу и рассказали бы о жизни своей, о своих придурах, преступлениях и отклонениях от нормы, — сам Господь Бог бы вцепился себе во власы и рухнул бы в обморок.

В каком-то смысле я был одним из них — только компетентнее одних и стабильнее других. Бывали времена, когда я вкалывал на три газеты одновременно. Писал рекламные листки для новых казино и кегельбанов. Служил консультантом синдиката петушиных боев. Был в высшей степени коррумпированным кулинарным критиком роскошных ресторанов, яхт-фотографом и повседневной жертвой полицейского произвола. То была алчная жизнь, и она мне удавалась. Я заимел себе несколько интересных друзей, заработал достаточно денег для разъездов и многому научился о мире, чего другим образом сделать бы мне не удалось.

Как и большинство остальных, я был искателем, бродягой, недовольным, иногда — глупым дебоширом. Я никогда не бездействовал настолько, чтобы сесть и хорошенько над чем-нибудь поразмышлять, но почему-то всегда чувствовал, что инстинкты меня не подводят. Я разделял преходящий оптимизм, что некоторые из нас действительно чего-то добиваются, что мы избрали честный путь и что лучшим из нас, в конечном итоге, удастся перевалить через вершину.

В то же время, меня не оставляло темное подозрение, что жизнь, которую мы ведем, утратила свою цель, что мы все — актеры, подгоняющие сами себя в эту бессмысленную одиссею. Именно напруг между двумя этими полюсами — беспокойным идеализмом с одной стороны и ощущением надвигающегося страшного суда с другой — заставляли меня шевелить поршнями.

Однажды в субботу, в конце марта, когда курортный сезон почти закончился, и торговцы крепились в преддверии удушливого низкоприбыльного лета, фотограф «Ньюс» Роберт Сала получил задание съездить в Фахардо на восточном кончике острова и поснимать новую гостиницу, строившуюся на холме прямо над гаванью.

Я решил составить ему компанию. С самого своего приезда в Сан-Хуан я собирался поехать немного по острову, но без машины это оказалось невозможно. Самой дальней моей вылазкой стала поездка миль за двадцать к Йемону домой — а Йемон тоже работал в «Ньюс», пока его Лоттерман не уволил, — Фахардо же располагался вдвое дальше в той же стороне. Мы решили купить немного рома и заехать к Йемону на обратном пути, надеясь подгадать к тому моменту, когда он подгребется с рифов с полным мешком омаров.

— Он уже, наверное, на этом собаку слопал, — сказал я. — Бог знает, на что он существует: они наверняка сидят на диете из омаров и цыплят.

— Хрен там, — заметил Сала. — Курятина подорожала.

Я рассмеялся:

— Только не у него. Он кур бьет стрелами из духового ружья.

— Господи Иисусе! — воскликнул Сала. — В этой стране же вуду процветает — пришьют его, как пить дать!

Я пожал плечами. С самого начала я предполагал, что рано или поздно Йемона прикончат, — или кто-нибудь конкретно, или же безликая толпа, не за одно, так за другое. Я тоже таким когда-то был. Хотел всего сразу и немедленно, и препятствия меня не отваживали. С тех пор я понял, что некоторые вещи — несколько больше, чем выглядят издали, и сейчас уже не был так сильно уверен, чего именно мне хочется получить и даже чего я заслуживаю. Я вовсе не гордился тем, что понял это, но и не сомневался, что знать это стоит. Либо Йемон выучит тот же самый урок, либо его грохнут.

Вот это я и твердил себе в те жаркие дни в Сан-Хуане, когда мне было тридцать лет, рубашка мерзко липла к спине, и я чувствовал себя тоскливо, будто трахаешься в одиночку, годы непримиримости уже за спиной, а впереди дорога одна — под откос. Жуткие, в общем, дни стояли, и мой фатализм по отношению к Йемону происходил не столько из убеждения, сколько из необходимости: стоило бы мне даровать ему хоть гран оптимизма, пришлось бы и для себя самого признать и множество несчастливостей.

Мы приехали в Фахардо через час езды по солнцепеку и немедленно остановились выпить в пер-

вом же баре. Потом поднялись в горку на окраине городка, где Сала битый час гоношился, устанавливая свои ракурсы. Он был сварливым перфекционистом, сколь сильно бы ни презирал свое задание. Как «единственный профессионал на острове» он чувствовал, что какую-никакую репутацию нужно поддерживать.

Когда он закончил, мы купили две бутылки рома и пакет льда. Доехали до поворота, с которого дорога вела к самому бунгалу Йемона на пляже. Дорога была вымощена до самой Рио-Гранде, а там два аборигена гоняли паром. С нас взяли доллар за «фиат» и перетолкали шестами на другую сторону, не вымолвив при этом ни единого слова.

Я чувствовал себя паломником на переправе через Ганг: стою на солнце рядом с машиной, смотрю себе в воду, а паромщики налегают на шесты и подпихивают нас к пальмовой рощице на другом берегу. Мы врезались в пристань, они привязали баржу к вертикальному бревну, и Сала съехал на твердую землю.

До Йемона оставалось миль пять по песку. Сала матерился всю дорогу и клялся, что немедленно повернул бы назад, если б не доллар, который опять выхарят на переправе. Автомобильчик с грохотом потряхивало на колдобинах, и я опасался, что он вот-вот рассыплется. В одном месте мы проехали стайку голых детей, камнями забивавшими насмерть собаку на обочине. Сала остановился несколько раз их шелкнул.

— Господи, — пробормотал он. — Погляди только на этих злобных гаденышей! Нам повезет, если выберемся отсюда живыми.

Когда мы, наконец, добрались до Йемона, он торчал на своей террасе в одних грязных черных трусах, сколачивал из плавника книжную полку. Бунгало выглядело попримечнее: часть террасы покрывал навес из пальмовых листьев, а под ним стояли два полотняных шезлонга, похоже, раньше принадлежавших какому-нибудь процветающему курорту.

— Чувак, — сказал я. — Где ты это взял?

— Цыгане, — ответил он. — По пятерке за штучку. Наверное, сперли в городе.

— Где Шено? — спросил Сала.

Йемон ткнул пальцем в сторону пляжа:

— Загорает, наверное, вон под тем бревном. Она аборигенам тут спектакли устраивает — они ее обожают.

Сала вытащил из машины ром и мешок льда. Йемон довольно зацокал языком и вывалил лед в ванну рядом с дверью.

— Спасибо, — сказал он. — От этой нищеты крыша едет. Мы даже лед себе позволить не можем.

— Чувак, — сказал я, — ты опустился на самое дно. Тебе пора искать работу.

Он рассмеялся и нагреб льда в три стакана:

— Я еще не слез с Лоттермана, — ответил он. — Похоже, что я еще получу свои денежки.

Тут с пляжа вернулась Шено — в одном белом бикини и с большим пляжным полотенцем в руках. Улыбнулась Йемону:

— Они опять пришли. Я слышала, как они разговаривают.

— Черт побери, — рявкнул Йемон. — Чего ты туда постоянно шляешься? Что, к чертям собачьим, с тобой такое?

Она только улыбнулась и уселась на свое полотенце.

— Это мое любимое место. Чего ради я должна уходить из-за них?

Йемон повернулся ко мне:

— Она ходит на пляж и там снимает с себя одежду — а местные прячутся в пальмах и подглядывают.

— Не всегда, — быстро вставила Шено. — Обычно только по выходным.

Йемон наклонился к ней и заорал прямо в лицо:

— Так черт бы тебя побрал! Не смей туда больше ходить! Отныне если хочешь голой валяться, будешь валяться здесь! Да будь я проклят, если все время дергаться буду, как бы тебя нам не изнасиловали! — Он затряс в отвращении головой. — Они тебя как-нибудь точно отымеют, ей-Богу, и если ты этих бедных ублюдков дразнить будешь, я, черт возьми, даже вмешиваться не стану!

Она не отрывала глаз от цементного пола. Мне стало ее жалко, и я встал и сделал ей выпить. Когда я передавал ей стакан, она посмотрела на меня с благодарностью и сразу сделала большой глоток.

— Пей, — сказал Йемон. — Пригласим твоих друзей и закатим настоящую балёху!

— он рухнул обратно в шезлонг: — Ах, красивая жизнь.

Мы некоторое время сидели и выпивали, Шено ничего не говорила, болтал главным образом Йемон, пока, наконец, он не встал и не подобрал с песка возле веранды кокос.

— Давайте, — сказал он. — Пошли футбол попинаем.

Я был рад любой возможности разрядить атмосферу, поэтому поставил стакан и неуклюже побежал перехватывать пас. Он идеально засандалил мне крученный, но по пальцам мне шарахнуло как свинцом, и я его выронил.

— Пошли на пляж, — крикнул он. — Там хоть есть где побегать.

Я кивнул и помахал Сале. Тот покачал головой:

— Идите резвитесь, — сказал он. — Нам с Шено надо кое-что серьезное обсудить.

Шено вяло улыbnулась и махнула в сторону пляжа:

— Давайте-давайте, — сказала она.

Я соскользнул по обрыву на слежавшийся песок. Йемон воздел одну руку и понесся под углом к полосе прибой. Я швырнул орех высоко и далеко, проследил, как он плюхнулся в воду далеко за Йемон. Тот ринулся на него, ушел под воду и вынырнул с орехом в руках.

Я обернулся и рванул в сторону, не отрывая глаз от ореха, летящего ко мне по раскаленному синему небу. Руки снова обожгло, но на сей раз я его удержал.

Хорошо было перехватить длинный пас, хоть и кокосовый. Руки у меня покраснели и саднили, но это ничего. Мы перекидывались как короткими пасами через середину, так и длинными, парящими вдоль боковых линий, и через некоторое время меня уже не покидала мысль, что мы занимаемся каким-то священнодействием, вызывая к жизни все субботы нашей юности — вдали от родины, потерянные и отрезанные и от всех тех матчей, от всех пьяных стадионов, за гранью шума и слепые к фальшивым краскам тех счастливых зрелищ. После многих лет презрения к футболу и всему, что футбол означает, вот он я — на пустом карибском берегу, выписываю ногами эти дурацкие финты с рвением подлинного фанатика футбольной песочницы.

Наконец, я устал бегать, и мы вернулись на веранду, где Сала по-прежнему беседовал с Шено. Оба, казалось, уже слегка набрались, и, поговорив с ними несколько минут, я осознал, что Шено мало что соображает. Она то и дело хмыкала себе под нос и передразнивала южный акцент Йемона.

Мы выпивали еще где-то с час, прилежно хихикая над Шено и наблюдая, как солнце клонится к Ямайке и Мексиканскому заливу. В Мехико еще светло, подумал я. Я никогда там не был, и вдруг меня охватило непреодолимое любопытство. Несколько часов рома в сочетании с растущим отвращением к Пуэрто-Рико вплотную подвели меня к тому, чтобы вернуться в город, сложить пожитки и отвалить первым же попутным самолетом на запад. Почему нет? — подумал я. Я еще не обналичил получку за эту неделю; в банке несколько сотен, меня здесь ничего не держит — почему бы и нет, в самом деле? Там неизбежно будет лучше, чем тут, где единственный мой оплот — дешевая работенка, вот-вот готовая развалиться.

Я обернулся к Сале:

— Сколько отсюда до Мехико?

Он пожал плечами и отхлебнул рома:

— Слишком много. А зачем? Что, переезжаешь?

Я кивнул:

— Думаю.

Шено подняла на меня взгляд, для разнообразия посерьезнев:

— Тебе Мехико понравится.

— Да что ты, к черту, про него знаешь? — рявкнул Йемон.

Она только зыркнула на него и хорошенько приложила к стакану.

— Правильно, — сказал он. — Валяй, лакай. Не нализалась еще.

— Заткнись! — заорала Шено, вскакивая на ноги. — Оставь меня в покое, помпезный дурак проклятый!

Рука его метнулась так быстро, что едва заметил движение; и — шлепок тыльной стороной ей по щеке. Почти обыденный жест, без гнева, без усилия, — к тому времени, как я сообразил, что произошло, он уже снова развалился в шезлонге, бесстрастно наблюдая, как она отшатнулась на несколько шагов и разрыдалась.

Минуту никто не произносил ни слова; потом Йемон велел ей уйти в дом.

— Давай, — сказал он. — Ложись спать.

Она перестала плакать и отняла руку от щеки.

— Пошел к черту, — всхлипнула она.

— Вали внутрь, — повторил он.

Она еще раз яростно поглядела на него, повернулась и скрылась внутри. Мы услышали, как взвизгнули пружины, когда она рухнула на кровать, затем приглушенные рыдания возобновились.

Йемон встал.

— Ладно, — сказал он тихо, — простите, толпа, что вас этому подвергаю. — Он глубокомысленно кивнул в сторону хижины. — Съездить, что ли, в город с вами?

Сегодня там что-нибудь происходит?

Сала пожал плечами. Было видно, что он расстроен.

— Ничего, — ответил он. — Мне в любом случае только пожрать хочется.

Йемон повернулся к двери.

— Потусуйте тут пока, — сказал он. — Схожу оденусь.

Когда он зашел в дом, Сала повернулся ко мне и сокрушенно покачал головой.

— Он к ней относится, как к рабыне, — прошептал он. — Она совсем скоро сломается.

Я не сводил глаз с моря, наблюдая, как исчезает солнце.

Было слышно, как он ходит внутри, но никто не разговаривал. Вышел он одетым в бежевый костюм, на шею небрежно наброшен галстук. Потянув за собой дверь, он запер ее снаружи.

— Чтoб не шлялась, где попало, — пояснил он. — Все равно, наверное, скоро вырубится.

Изнутри донесся внезапный взрыв рыданий. Йемон безысходно пожал плечами и швырнул пиджак в машину Салы.

— Я на мотороллере поеду, — сказал он, — чтoб в городе оставаться не пришлось.

Мотороллер его походил на такую штуковину, которые забрасывали в тыл неприятелю на парашютах во Вторую Мировую: скелет рамы со следами красной краски проржавел почти насквозь, а под сиденьем — крохотный движок, тархтевший, как пулемет Гэтлинга. Глушителя не было, резина совершенно облысела.

Мы двинулись за ним по дороге, едва не врезаясь ему в задницу, когда он буксовал в песке. Скорость он развивал приличную, держаться за ним, чтобы машина не развалилась на куски, оказалось трудновато. Когда мы проезжали лачуги аборигенов, на дорогу выбегали детишки и махили нам. Йемон махал им в ответ, широченно улыбаясь и салютуя вытянутой вверх рукой, а за ним летела туча пыли и грохота.

Мы притормозили там, где начиналась мощеная дорога, и Йемон предложил заехать в одно местечко неподалеку — чуть больше мили.

— Неплохая еда и дешевая выпивка, — сказал он. — А кроме этого, у меня там кредит.

Мы снова тронулись за ним, пока не возникла вывеска с надписью «Каса Кабронес».

Стрелка показывала вдоль грунтовки, отходившей в сторону пляжа. Дорога шла через пальмовую рощицу и заканчивалась на пяточке для машин перед захезанной ресторацией со столиками на террасе и музыкальным автоматом возле стойки бара.

Если б не пальмы и не пуэрториканская клиентура, он бы напомнил мне какую-нибудь третьесортную таверну на американском Среднем Западе. Гирлянда голубых лампочек болталась между парой столбов по обе стороны террасы, и каждые полминуты небо над нами вспарывал желтый луч с башни аэродрома примерно в миле от нас.

Только мы сели и заказали выпить, как я понял, что мы тут — единственные гринго. Остальные были местными. Они сильно шумели, пели и орали под музыкальный автомат, но все казались усталыми и подавленными. Причем, то была не ритмичная печаль мексиканской музыки, а завывающая пустота звука, подобного которому я не слышал нигде — только в Пуэрто-Рико: смесь стопа и хныканья, подпираемая унылым бумканьем и голосами, погрязшими в отчаяньи.

Неожиданно музыка остановилась, и несколько человек бросились к автомату.

Вспыхнула ссора, друг в друга полетели оскорбления, и тут, откуда-то издалека, будто включили национальный гимн успокоить истошную толпу, долетело неторопливое треньканье «Колыбельной» Брамса. Свара прекратилась, в кишки музыкального автомата провалилось несколько монеток, и он разразился визгливым хныканьем.

Мужчины вернулись к стойке, хохоча и хлопая друг друга по спинам.

Мы заказали три рома, и официант их принес. Мы решили сначала немного выпить, а обед отложить на потом, но когда дело дошло до еды, официант сообщил, что кухня закрылась.

— Да никогда в жизни! — воскликнул Йемон. — Здесь написано: полночь. — — И он показал на табличку над баром.

Официант покачал головой.

Сала посмотрел на него снизу вверх:

— Пожалуйста, — проговорил он. — Я голоден.

Официант снова покачал головой, не отрывая взгляда от зеленого блокнотика для заказов в руке.

Неожиданно Йемон шарахнул кулаком по столу:

— Тащите мяса! — заорал он. — И еще рому!

Официант, похоже, перепугался и юркнул за стойку. Все обернулись посмотреть на нас.

Из кухни выскочил низенький толстяк в белой рубашке с коротким рукавом. Он потрепал Йемона по плечу.

— Хорошие парни, — проговорил он, нервно улыбаясь. — Хорошие клиенты — — без проблем, ОК?

Йемон посмотрел на него.

— Нам нужно только мяса, — приятно промолвил он, — и еще по стаканчику на брата.

Толстячок покачал головой.

— Нет ужина после десяти, — сказал он. — Видите? — И показал пальцем на часы. Там было двадцать минут одиннадцатого.

— А на табличке написано, в полночь, — настаивал Йемон.

Толстяк снова покачал головой.

— В чем проблема? — спросил Сала. — Бифштексы меньше чем за пять минут поджарить можно. Ладно, к черту картошку.

Йемон поднял стакан.

— Давайте возьмем еще три, — сказал он, помахав тремя пальцами бармену.

Бармен посмотрел на нашего толстяка, похожего на управляющего. Тот быстро кивнул и ушел.

Мне показалось, что кризис миновал.

Но через минуту он вернулся с маленьким зеленым чеком, на котором стояло \$11.50.

Положил его на стол перед Йемоном.

— Не беспокойся, — сказал Йемон.

Управляющий хлопнул в ладоши.

— Ладно, — сердито сказал он. — Плати. — И протянул руку.

Йемон смахнул чек со стола:

— Я же сказал, не волнуйся.

Управляющий подхватил чек с пола.

— Плати! — завопил он. — Плати сейчас!

Йемон побагровел и привстал со стула.

— Я заплачу, как платил по остальным! — заорал он. — А тебе убирайся отсюда к черту и притащи нам этого проклятого мяса.

Управляющий чуть-чуть помялся, но все же ринулся вперед и шлепнул чеком об стол.

— Плати сейчас! — заорал он. — Плати сейчас и убирайся — или я зову полицию!

Не успели слова вылететь у него изо рта, как Йемон схватил его за грудки.

— Ах ты дешевая сволочь! — прорычал он. — Будешь орать, так я вообще тебе не заплачу.

Я наблюдал за мужиками возле бара. Они все вытаращили глаза и по-собачьи сделали стойки. Бармен уже весь напрягся у двери — то ли делать отсюда ноги, то ли бежать за мачете, я так и не понял.

Управляющий, к этому времени совершенно выйдя из себя, потрясал у нас перед носом кулаком и визжал:

— Платите, проклятые янки! Платите и убирайтесь отсюда!

Йемон поднялся и надел пиджак.

— Пошли, — сказал он. — Я с этим подонком потом поговорю.

Казалось, управляющий пришел в ужас от того, что богатенькие клиенты могут от него просто

так уйти. Он плелся за нами до самой стоянки, ругаясь и клянча попеременно:

— Плати сейчас! — выл он. — Когда ты заплатишь? Вот увидишь, придет полиция... Не надо полиции, только заплати!

Я решил, что он ненормальный, и хотел одного — чтобы он от нас отвязался.

— Боже, — сказал я. — Давай заплатим.

— Ага, — поддакнул Сала, вытаскивая бумажник. — Меня от этого места тошнит.

— Не волнуйтесь, — сказал Йемон. — Он знает, что я заплачу. — Он швырнул пиджак в машину и повернулся к управляющему: — Ты, гнилая образина, возьми себя в руки.

Мы сели в машину. Только Йемон завел свой мотороллер, как управляющий кинулся назад к своему кабаку и начал что-то орать мужикам возле бара. Вопли его еще разносились по округе, а мы уже тронулись вслед за Йемоном по длинной подъездной дорожке. Йемон явно не спешил, вертя по сторонам головой, словно турист, заинтригованный пейзажем, и через какие-то несколько секунд у нас на хвосте висели две машины, набитые орущими пуэрториканцами. Я подумал, что нас сейчас закатают в землю. Они неслись на здоровенных американских танках и расплющили бы нашу кроху-"фиат" как таракана.

— Срань господня, — повторял все время Сала. — Нас сейчас убьют.

Когда мы выехали на мощеную дорогу, Йемон вырулил на обочину и пропустил нас. Мы остановились через несколько ярдов, две другие машины подъехали к нему. Йемон соскочил с мотороллера, уронив его при этом на дорогу, и как раз вцепился в человека, голова которого высывалась из ближайшего к нему окна, когда подъехала полиция. Пуэрториканцы дико заголосили и высыпали из машин. Мне захотелось пуститься наутек, но нас моментально окружили, чуть не сдернули дверцы с петель и вытащили нас с Салой наружу. Я попытался вырваться. Откуда-то доносился голос Йемона, повторявшего:

— Так он на меня плюнул, он на меня плюнул...

Неожиданно все перестали орать, продолжался только спор Йемона, управляющего и какого-то мужика, судя по всему — главного фараона.

— Послушайте, — говорил Йемон, — я же оплачивал другие счета — с чего он взял, что не оплачу этот?

Управляющий что-то пробормотал про пьяных надменных янки.

Не успел Йемон и рта раскрыть в ответ, как один из легавых выступил у него из-за спины и заехал дубинкой ему по плечу. Йемона мотнуло на одного из пуэрториканцев, гнавшихся за нами, и тот, яростно размахнувшись, заехал Йемону пивной бутылкой по ребрам. Я услышал несколько тупых ударов кости о кость, а потом краем глаза заметил, что мне в голову тоже что-то летит. Пригнулся я как раз вовремя, чтобы основная сила удара пришлась на спину. Позвоночник чуть не треснул, и я рухнул на землю.

Сала вопил, я отбивался, стараясь избежать каблуков, лупивших по мне паровыми молотами. Боли почти не чувствовалось, хотя сквозь оцепенение я понимал, что мне больно, и вдруг осознал, что сейчас умру. Сознание меня еще не покинуло, внезапная мысль: меня забивают насмерть ногами в пуэрториканских джунглях за одиннадцать долларов и пятьдесят центов, — наполнила меня таким ужасом, что я тоже завопил, как раненый зверь. В конце концов, когда я уже совсем решил, что теряю сознание, я почувствовал, как меня заталкивают в какую-то машину.

Следующие шесть часов прошли в крохотной бетонной камере с примерно двадцатью пуэрториканцами. Сесть мы не могли, поскольку весь пол зассали, поэтому мы стояли посередине, раздавая сигареты, как представители Красного Креста. Тусовка подобралась опасная: некоторые пьяны, другие — просто сумасшедшие. Я чувствовал, что мы в безопасности, пока снабжаем их куревом, но что с нами будет, когда пачки опустеют?

Казалось, мы провели там лет шесть, когда, наконец, вертухай открыл дверь и кивком вызвал нас наружу. Сала едва передвигал ноги, а мы с Йемоном так устали, что с трудом поддерживали его. Понятия не имел, куда нас веди. Вот так люди исчезают, подумал я. Мы прошли куда-то назад через все здание, по нескольким вестибюлям и наконец вступили в просторный зал суда. Когда нас втолкнули в дверной проем, грязных и взъерошенных, будто самых отъявленных бичей из той камеры, которую мы только что покинули, я напряженно завертел головой, ища хоть одно знакомое лицо.

Зал был набит под завязку, и потребовалось несколько минут, чтобы отыскать в толпе физионо-

мии Моберга и Сэндерсона, мрачно торчавших в углу. Моберг был репортером «Ньюс». Сэндерсон работал на «Аделанте», фирму, нанятую правительством, чтобы попригляднее представлять его образ в Штатах. Я кивнул им, и Моберг поднял сложенные колечком большой и указательный палец.

— Слава Богу, — произнес Сала. — Контакт достигнут.

— Это Сэндерсон там стоит? — спросил Йемон.

— Похоже, он, — ответил я без малейшего представления о том, что это означает.

— А этот мудака что тут делает? — пробормотал Сала.

— Могло быть чертовски хуже, — ответил я. — Нам дьявольски повезло, что хоть кто-то появился.

Почти час прошел прежде, чем вызвали наше дело. Первым выступал главный фараон, и его показания прозвучали на испанском. Сала, понимавший кусочки того, о чем говорилось, все время бормотал:

— Вот сволочь лживая... Утверждает, что мы грозились разнести ресторан, напали на управляющего, убежали, не заплатив, ударили полицейского, Господи Иисусе!..

Затеяли драку, когда нас привезли в участок. Боже, это уже слишком! Нам кранты!

Когда легавый закончил, Йемон потребовал перевести нам показания, но судья его проигнорировал.

Следующим выступал управляющий, потя и возбужденно жестикулируя; голос его срывался на истеричный визг, а он размахивал руками, потрясал кулаками и все время тыкал в нашу сторону, будто мы вырезали всю его семью.

Из его речи мы совершенно ничего не поняли, но ясно было, что все оборачивается против нас. Когда, наконец, выступать подошла наша очередь, Йемон встал и снова потребовал перевести нам все показания.

— Вы же их слышали, — ответил судья на идеальном английском.

Йемон объяснил, что никто из нас не говорит по-испански настолько хорошо, чтобы понять, о чем шла речь.

— Эти люди раньше говорили по-английски, — сказал он, показывая на фараона и управляющего. — Почему же сейчас они не могут?

Судья презрительно ухмыльнулся.

— Вы забываете, где вы находитесь, — сказал он. — Какое право вы имеете приезжать сюда, устраивать бесчинства, да еще требовать потом, чтобы мы говорили на вашем языке?

Я видел, что Йемон теряет терпение и дал Сэндерсону понять: сделай же что-нибудь. В этот момент я и услышал слова Йемона, что он «ожидал бы более справедливого обращения при Батисте.»

На зал суда навалилась мертвая тишина. Судья уставился на Йемона, его глаза засверкали от гнева. Я уже чувствовал, как нам на шею опускается топор.

Тут из глубины зала раздался голос Сэндерсона:

— Ваша Честь, можно мне слово?

Судья вскинул голову:

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Сэндерсон. Я работаю в «Аделанте».

К судье быстренько подскочил человек, которого я раньше никогда не видел, и что-то зашептал ему на ухо. Судья кивнул и снова перевел взгляд на Сэндерсона.

— Продолжайте, — сказал он.

Голос Сэндерсона казался неуместным после диких обвинений полицейского и управляющего.

— Эти люди — американские журналисты, — сказал он. — Один — из «Нью-Йорк Таймс», другой представляет Американскую Ассоциацию Туристических Обозревателей, а третий работает в журнале «Лайф». — Он сделал паузу, и я задал себе вопрос: что хорошего такие штуки нам принесут?

— Возможно, я не прав, — продолжал Сэндерсон, — но мне кажется, что прозвучавшие здесь показания несколько сумбурны, и мне очень не хотелось бы, чтобы результатом их стали какие бы то ни было ненужные затруднения. — Он взглянул на главного фараона, затем перевел взгляд на судью.

— Господи, — прошептал Йемон. — Надеюсь, он знает, что делает.

Я кивнул, наблюдая за лицом судьи. Последнее замечание Сэндерсона прозвучало тоном определенного предупреждения, и мне в голову пришла мысль, что он, должно быть, пьян. Насколько мне бы-

ло известно, сюда он заявился прямиком с какой-то вечеринки, где непрерывно квасил чуть ли не с полудня.

— Что ж, мистер Сэндерсон, — ровным голосом произнес судья. — Так что вы предлагаете? Сэндерсон учтиво улыбнулся.

— Мне кажется, мудрым было бы продолжить слушание этого дела, когда атмосфера чуть-чуть разрядится.

Тот же человек, что нашептывал судье чуть раньше, снова подскочил. Произошел поспешный диалог, потом судья обратился к Сэндерсону:

— Мне ясна ваша точка зрения, — сказал он, — но эти люди вели себя вызывающе: они не уважают наши законы.

Лицо Сэндерсона потемнело.

— Что ж, Ваша Честь, если их дело непременно будет рассматриваться сегодня, я вынужден просить суд сделать перерыв, пока я не свяжусь с Адольфо Киноньесом.

Судья кивнул. Киноньес был поверенным в делах «Ньюс», бывшим сенатором и одним из самых выдающихся людей на острове.

— Я вынужден буду его разбудить, — продолжал Сэндерсон, — поднять сеньора Киноньеса с постели, но дольше выступать здесь в роли адвоката я не готов.

У судейского стола случилось еще одно торопливое совещание. Фамилия Киноньеса, насколько я видел, заставила суд слегка задуматься.

Нас выпустили под залог почти на самой заре, небо уже серело и светлело. Не считая толпы возле полицейского участка, улицы были пусты и спокойны. В гавани на якоре в ожидании утра и буксиров стояло несколько больших сухогрузов. К тому времени, как мы вышли на улицу, показались первые лучи солнца — прохладное розовое зарево на востоке. То, что я почти всю ночь провел в камере и зале суда, сделало это утро одним из прекраснейших в жизни. В нем были покой и яркость, зябкая карибская заря после ночи в мерзкой тюрьме. Я рассматривал корабли, море за ними и сходил с ума от того, что свободен и впереди у меня — целый день.

Проспав лишь несколько часов, я проснулся от ужасного крика. Это Сала вскочил, будто ему кошмар привиделся:

— Мудакое отродье! — орал он. — Моя машина! Стервятники!

После минутного смятения я вспомнил, что мы оставили его машину на дороге возле «Каса Кабронес». А пуэрториканцы по-настоящему интересуются брошенными автомобилями — налетают на них, как голодное зверье и раздирают на части.

Сначала уходят колпаки, затем колеса, за ними бамперы и дверцы, а в конце они утаскивают и корпус — двадцать или тридцать аборигенов, как муравьи, увлакивают его к какому-нибудь старьевщику за десятку янки-долларов, а потом дерутся ножами и бутылочными горлышками за свою долю.

Йемон просыпался медленно, постанывая от боли. На губах у него запеклась кровь.

Он сел на матрасе и уставился на нас.

— Проснись, — сказал я. — Твой мотороллер тоже там.

Сала перекинул ноги через раму продавленной раскладушки:

— Слишком поздно. У них было двадцать четыре часа — Господи, да они за двадцать четыре минуты машину раздеть могут. Повезет, если масляное пятно найдем.

— Пропало? — спросил Йемон. Он по-прежнему таращился на нас, не вполне проснувшись. Я кивнул:

— Возможно.

Неохотно я начал одеваться. Синяки украшали все мое тело, двигаться было больно.

Мы добрались до Плаза-Колон и взяли такси. Я никогда раньше не видел город воскресным утром. Обычно я вставал к полудню и сразу шел к Элу не спеша завтракать. Теперь же улицы были почти пусты. Ни следа от ежедневного хаоса, от визга и рева армии торговцев, рассказывающих по всему городу на незастрахованных тачках. Набережная была почти пустыня, магазины закрыты, только в церквях, казалось, еще что-то происходит. Мы проехали несколько, и перед каждой тусовались живописные кучки народу — смуглые мужчины и мальчики в свежестриженных костюмчиках, цветастые женщины с вуальками, маленькие девочки в беленьких платьицах, тут и там мелькал случайный священник в черной

сутане и высокой черной шляпе.

Мы разогнались по длинному шоссе на Кондало. Тут все было по-другому. Церквей нет, по тротуарам бродят толпы туристов в шлепанцах и ярких бермудах. Они вливались и выливались из больших отелей, треща без умолку, читая газеты, волоча за собой пляжные сумки, все в темных очках и ужасно деловые на вид.

Йемон промакнул лицо платком.

— Чуваки, — сказал он. — Если я этот мотороллер потеряю, всё. Господи — оштрафовали, избили, арестовали.

Я кивнул, а Сала ничего не сказал. Он перегибался через плечо шофера, словно надеясь в любую минуту застучать толпу, разбирающую его машину.

Казалось, мы ехали много часов, пока, наконец, не свернули с трассы в аэропорт на узкую дорогу к «Каса Кабронес». Не доезжая нескольких сот ярдов, я увидел машину Салы.

— Вон она, — ткнул пальцем вдоль дороги я.

— Боже мой, — пробормотал он. — Чудо.

Когда мы подъехали, я понял, что машина стоит на двух кокосовых бревнышках вместо колес. Колеса пропали вместе с мотороллером Йемона.

Сала принял это спокойно:

— Что ж — это лучше, чем я боялся. — Он залез внутрь и все проверил: — Не пропало ничего, кроме колес. Дьявольски повезло.

Зато Йемон был я роста.

— Я его где хочешь узнаю! — орал он. — Я как-нибудь кого-нибудь на нем поймаю.

Я был уверен, что если мы еще немного потусуемся возле «Каса Кабронес», неприятностей у нас будет больше. Пройдя немного в сторону бара, я посмотрел, не торопится ли кто-нибудь к нам. Но там все было закрыто, стоянка пуста.

Возвращаясь к машине, в кустах возле дороги я заметил что-то красное. То был мотороллер Йемона, прикрытый горкой пальмовых листьев. Кто-то его припрятал, намереваясь вернуться попозже.

Я позвал Йемона, и тот его вытащил. Не пропало ничего. Завелся с одного пинка.

— Вот черт, — сказал он. — Надо посидеть и подождать этого подонка — он возвращается, а тут сюрприз.

— Конечно, — согласился я. — А потом все лето провести в Ла Принцесе. Пошли — валим отсюда.

Возле такси Сала тем временем прикидывал, сколько ему будут стоить четыре новых колеса с резиной. Выглядел он очень подавленным.

— Давайте позавтракаем, — предложил Йемон. — Мне нужно съесть чего-нибудь.

— Ты рехнулся? — ответил Сала. — Я не могу тут бросить машину — они ее прикончат. — Он полез в бумажник. — На, — сказал он Йемону. — Заедь на заправку, позвони торговцу «фиатами» и скажи, чтобы прислал четыре колеса. Вот его домашний телефон — скажи, что для мистера Лоттермана.

Йемон взял карточку и задремал по дороге. Через несколько минут мы услышали, как он возвращается. Потом мы целый час сидели и ждали бригаду. К моему удивлению, колеса прислали. Мы их привинтили, Сала на счете подписался Лоттерманом, и мы поехали в отель «Лонг-Бич» завтракать.

Терраса оказалась переполненной, поэтому мы устроились внутри, возле бара с закусками. Нас окружала толпа, которую мне десять лет удавалось избегать: бесформенные тетки в шерстяных купальниках, тупоглазые дядьки с безволосыми ногами и робкими смешочками, все американцы, все пугающе одинаковые. Этих людей не следует никуда выпускать из дому, подумал я; запереть в подвале какого-нибудь чертова Сохатого Клуба и глушить эротическими киношками; а если захочется в отпуск, показывать зарубежный художественный фильм; если же их и это не удовлетворит, отправить в глухомань и травить злобными собаками.

Я бросал на них яростные взгляды, пытаясь впихнуть в себя гнилостный завтрак, который мне подсунула официантка: склизкие яйца, сальный бекон и жиденький американский кофе.

— Черт побери, — сказал я ей. — Это не «Недик» — у вас что, пуэрториканского кофе нет?

Она покачала головой.

Сала сходил и купил «Майами Геральд».

— Мне нравится это место, — ухмыльнулся он. — Мне нравится сидеть тут, смотреть на пляж

сверху вниз и думать о тех хороших вещах, которые тут можно было бы сделать с помощью «люгера».

Я положил на столик два доллара и встал.

— Ты куда? — спросил Йемон, отрываясь от газетной секции, которую выхарил у Салы.

— Не знаю, — ответил я. Я действительно не знал. У меня даже собственной квартиры не было. — Может, к Сэндерсону. Куда угодно, лишь бы подальше от этих людей.

Несколькими кварталами дальше я зашел в открытый ресторанчик выпить пуэрториканского кофе. За семьдесят центов купил «Нью-Йорк Таймс». Выпил еще чашечку, уходя, забрал «Таймс» с собой и тащил ее теперь по улице, как драгоценный узелок мудрости, как полновесную уверенность в том, что еще не совсем отрезан от той части света, которая реальна.

До Сэндерсона я добрался только через полчаса, но дорога бежала вдоль берега, поэтому прогулка мне понравилась. Дойдя, я обнаружил, что Сэндерсон расслабляется у себя в садике на пластиковой пляжной подстилке. Раздетым он выглядел совсем доходягой.

— Здорово, паразит, — сказал он. — Как тюрьма?

— Ужасно, — ответил я.

— Что ж, — сказал он, — в следующий раз будет хуже. Тебя возьмут на карандаш.

Я откинулся на спинку кресла, разглядывая белый пляж, море и пальмы вокруг и размышляя, как странно беспокоиться о том, что можно попасть в тюрьму, в таком месте, как это. Ведь кажется, человеку почти невозможно приехать на какой-нибудь карибский островок и загреметь в тюрюгу за дурацкий проступок. Пуэрториканские тюрьмы — для пуэрториканцев, а не для американцев, носящих пестрые галстуки и наглухо застегнутые рубашки.

— Тебе повезло, — продолжал он. — За сопротивление при аресте можно год получить.

— Ну что ж, — ответил я, пытаюсь сменить тему, — мне кажется, твоя речь спасла нас. То, что мы работаем в «Ньюс», произвело на них не очень-то большое впечатление.

Он закурил еще одну сигарету:

— Нет, это ни на кого впечатления не произведет. — Он снова поднял на меня взгляд. — Но не думай, что я ради вас соврал. «Таймс» ищут туристического обозревателя на договор здесь и попросили меня кого-нибудь им подыскать. С завтрашнего дня ты — это он.

Я пожал плечами:

— Прекрасно.

Мы зашли внутрь выпить еще. Стоя в кухне, я услышал, как к дому подъехала машина. То был Ник Сегарра, редактор «Ньюс», раздетый, будто какой-нибудь жиголо на Итальянской Ривьере. Войдя, он натянута кивнул.

— Так что там у вас за напряги вчера вечером случились?

— Не помню, — ответил я, выливая свою выпивку в раковину. — Пускай тебе Сэндерсон рассказывает. Мне надо идти.

Я ушел и зашагал по Калле Модесто, толком не зная, как убить остаток дня. Всегда с этим проблемы. В воскресенье у меня выходной, и обычно я еще субботу прихватывал. Но колесить по округе с Салой или сидеть у Эла уже начало утомлять, а больше делать было нечего. Мне хотелось лучше посмотреть остров, некоторые другие городки, а для этого нужна машина.

И не только машина, подумал я; квартира мне тоже нужна. День стоял жаркий, я устал, все тело ныло. Хотелось выспаться или хотя бы просто отдохнуть, но пойти некуда. Я прошел несколько кварталов, ковыляя в тени раскидистых фламбоянов и размышляя о том, чем можно было бы заняться в Нью-Йорке или Лондоне, проклиная той косой импульс, что привел меня на эту тупую, исходящую паром скалу посреди моря, и наконец остановился в баре для аборигенов выпить пива. Я заплатил за бутылку и пошел дальше, потягивая из горла. Интересно, где я буду сегодня ночевать? Квартиры Салы отпадает. Там жарко, шумно и тоскливо, как в мавзолее.

Может, у Йемона, подумал я, но это слишком далеко и добираться до туда нечем.

Когда, в конце концов, я пришел к выводу, что выбора у меня нет, кроме как бродить ночь напролет по улицам, я решил начать поиски собственной квартиры — такого места, где можно в одиночестве расслабиться, где у меня будет свой холодильник, где я смогу мешать себе коктейли и, быть может, время от времени принимать девчонку. Мысль о собственной постели в собственной квартире настолько меня приободрила, что мне захотелось поскорее избавиться от этого дня и перейти к следующему, когда можно будет пуститься на поиски.

Но тут я понял, что связывать себя квартирой и, возможно, автомобилем — это больше тех обязательств, которые мне бы в данный момент хотелось на себя брать, а особенно — поскольку в любой момент меня могут упечь в каталажку, газета может обанкротиться, или вдруг может прийти письмо от какого-нибудь старинного друга, что для меня есть работа в Буэнос-Айресе. Вот только вчера ведь, к примеру, я уже готов был отваливать в Мехико.

Я прошел пешком больше мили, размышлял, курил, потел, заглядывал за высокие изгороди и в низкие окна, слушал рев автобусов и переполненных авто, гнавших Бог знает куда — в машины набивались целыми семьями, просто катались по городу, библикая, вопя, то и дело останавливаясь купить «пастелилос» и стаканчик «коко фрио», потом снова загружаясь в машину и двигаясь дальше, разевая рты на все красивое, что янки вытворяли в городе: вот конторское здание выросло, аж в десять этажей; вот новый хайвей, никуда не ведет; ну и, разумеется, всегда можно поглазеть на новые отели; или поразглядывать янки-женщин на пляже; а по вечерам, если приехать пораньше и занять местечко получше, — на публичных площадях стоит «телевизьон».

Я шел дальше, ожесточаясь с каждым шагом. Наконец, в отчаянии тормознул такси и отправился в «Кариб Хилтон», где устроили показушный международный теннисный турнир. Чтобы проникнуть, я сунул им свою аккредитацию и остаток дня просидел на трибунах.

Солнце там меня не беспокоило. Казалось, оно тут на своем месте — глиняные корты, джин и белый мячик мелькает туда-сюда. Я вспомнил другие теннисные корты и давно ушедшие дни, полные солнца, джина и людей, которых я никогда больше не увижу, поскольку разговаривать друг с другом мы больше не в состоянии, чтобы не выглядеть скучными и разочарованными в жизни.

Матч закончился в сумерках, и я взял такси к Элу. Сала уже сидел в одиночестве в углу. По дороге на террасу я увидел Швабру и попросил принести два рома и три гамбургера. Сала поднял голову, когда я подошел поближе.

— У тебя такой вид, как будто ты в бегах, — сказал он. — Беглец от правосудия.

— Где Йемон? — спросил я.

— Домой поехал — ответил он. — Как только ты ушел, он вспомнил, что Шено до сих пор заперта в хижине.

Швабра принес нам стаканы и еду, и я снял все с подноса.

— Мне кажется, у него совсем чердак потек, — воскликнул Сала.

— Точно, — ответил я. — Бог знает, чем он кончит. Так просто нельзя жить — ни дюйма нигде не уступая, ни в чем, никому.

Тут к нам с воплями подскочил Билл Донован, спортивный редактор.

— Вот они где! — орал он. — Господа члены прессы — тайные алконавты! — Он довольно расхохотался. — Ну, вы, пиздюки, действительно вчера ночью влипли, а?

Чуваки, да вам повезло, что Лоттерман в Понсе уехал! — Он уселся к нам за столик. — Что произошло? Я слышал, вы с легавыми сцепились.

— Ага. — ответил я. — Отверзохали как следует. То-то смеху было.

— Черт-те чё, — сказал он. — Жалко, что пропустил. Обожаю хорошую драку — особенно с легавыми.

Донован мне нравился, но он постоянно триндел о том, что хорошо бы вернуться в Сан-Франциско, «где хоть что-то происходит». Если ему верить, жизнь на Побережье была такой клевой, что врал он наверняка, но я никогда не мог определить, где кончалась правда и начиналась брехня. Если б даже половина всего, что он рассказывалась, оказалась правдой, я бы рванул туда немедленно; только с Донованом нельзя было рассчитывать даже на эту половину.

Ушли мы оттуда около полуночи, спускались с горки в молчании. Ночь стояла душная, и вокруг я чувствовал ту же самую тяжесть — ощущение того, что время летит в то время, как оно стоит на месте. Всякий раз, когда я думал о времени в Пуэрто-Рико, мне вспоминались старые часы на магнитах, висевшие на стенах классов в моей школе. Время от времени стрелка переставала двигаться на несколько минут, и если я за нею наблюдал: сломалась она, что ли, наконец? — то всякий раз вздрагивал, когда она неожиданно щелкала, перескакивая сразу на три-четыре деления.